

В. Г. Белинский

**Сочинения Платона... часть
II-я**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения

Платона... часть II-я

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2858065*

Аннотация

«...мы смело можем сказать, что г. Карпов, если он кончит издание своего перевода, совершит подвиг столько же гражданский, сколько и ученый. Это великая заслуга перед обществом, это бесценный подарок его настоящему и будущему. Изучение классической древности в новейшей Европе положено краеугольным камнем публичного воспитания юношества, – и в этом видна глубокая мудрость...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Сочинения Платона... часть II-я

СОЧИНЕНИЯ ПЛАТОНА. Переведенные с греческого и объясненные профессором Санкт-Петербургской духовной академии Карповым. Часть II-я. Санкт-Петербург. В тип. император. Академии Наук. 1842. В 8-ю д. д. 385 стр. (Цена 3 р. сер. за обе части).

Во второй части «Сочинений Платона» так же еще нет самого Платона, как не было и в первой: ^[1] герой той и другой части – великий учитель Платона, Сократ. Но в этой части Сократ является уже с другой, более интересной для всех, нежели для немногих, стороны своей. В первых трех разговорах мы видели только *диалектика* Сократа, который обезоруживал хитросплетенную ложь софистов их же собственным оружием – диалектикою, но который не высказывал своих убеждений и идей, довольствуясь тем, что изобличал пустоту и ничтожество софистического лжемудрования. В следующих же *пяти* разговорах – «Хармиде», «Эвтифроне», «Меноне», «Апологии Сократа» и «Критоне», из которых состоит эта вторая часть, мы видим мыслителя и мудре-

да Сократа, знакомимся с его высокою мудростью, исполненною глубочайшего нравственного и жизненного содержания. Эта мудрость всем доступна и всякому понятна, кто только жаждет мудрости: ибо Сократ, как истинный грек, есть мудрец, а не философ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецов могла производить только древность, где все стихии жизни были слиты в органическое целое и единое, где жрец, ученый, художник, купец, воин прежде всего был человеком и гражданином; где гуманическое начало развивалось в человеке прежде всего; где воспитание было столько же развитием тела, сколько и духа, на том основании, что только в здоровом теле может обитать и здоровая душа; где мыслить значило веровать, и веровать значило мыслить; где иметь нравственное убеждение значило быть всегда готовым умереть за него; где наука и искусство не отделялись от жизни и образ мыслей от образа жизни; где гражданин был участником и в правлении и в жречестве; где воин, в мирное время, учился мудрости и наслаждался искусством, а ученый, артист и оратор, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; где праздники были столько же религиозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и национальными... Греция в особенности была такою страной в древности, и только она могла произвести такого мудреца, как Сократ, который поучал мудрости, беседуя с народом на площадях, в собраниях, в торжествах, в темнице, – везде, где мог сойтись и встретиться с челове-

ком... Наше время – время не мудрецов, а философов, не людей, а книжников, ученых... Это потому, что многосторонние и бесконечно разнообразные, в сравнении с древностью, элементы новой жизни до сих пор еще в брожении, до сих пор еще не примирились и не слились в единое и целое. В наше время все – или штатские, или военные, или мещане, купцы, художники, ученые, земледельцы, все, что угодно – только не «люди»; титул «человека» священно и велико только на словах да в книгах, а в жизни о нем никто не заботится, никто не спрашивает... В юности мы учимся всем наукам, исключая той, которая научает каждого быть человеком. Звание такое-то может в наше время избавлять от обязанности знать что-нибудь вне его сферы; звание ученого, например, позволяет быть трусом, бледнеть и прятаться при звуке оружия. Но всего грустнее, что не только звание, но даже всемирная слава философа у нас не только избавляет от обязанности считать себя в каких бы то ни было кровных связях с обществом и народом, но еще как бы поставляет в обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Оттого-то в наше время иной философ, пока на кафедре, – Промефей, решительный Промефей; слушаешь и дивишься, как один человек может вместить в себе столько мудрости, столько знания!.. Но придите в дом к этому Промефею: боже мой, какое превращение! Филистер, мещанин, человек, которого вся поэзия жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою

пива... На кафедре – ему, кажется, только и беседовать бы что с богами; а в жизни это один из почтеннейших членов бюргер-клуба... На кафедре это герой истины, готовый защищать ее логическими построениями, против всей вселенной; а в жизни – это человек, хорошо вытвердивший правило «мое дело сторона» и живущий в ладу со всякою действительностию, равно счастливый при всяких обстоятельствах. Удивительно ли, что философия в наше время производит только школьные партии и что жизнь так же не хочет ее знать, как и она не хочет знать жизнь?.. А художник нашего времени?.. Он живет в прошедшем, поет, как птица, и, подобно птице, перепархивает с ветки на ветку, ища местечка, где бы ему было получше...^[2] Не такова была древность – эта великая школа людей и мужей, где самые женщины были героинями своих обязанностей и, будучи женами и матерями, умели быть и гражданками, где художники и ученые были не птицами и не педантами, а таинниками, хранителями Прометеева огня национальной жизни... Там слово было делом, и дело было словом, мысль – фактом, и факт – мыслию. Зато в Греции, например, Гомера знали не одни ученые, а целый народ; Пиндару и Коринне рукоплескала вся Эллада на олимпийских играх; Геродот, на тех же олимпийских играх (а не в собрании Общества любителей словесности), читал эллинам историю славной борьбы их с Азией, а юноша Фукидид плакал, слушая вещего старца... Софокл, обвиненный неблагодарными детьми в помешательстве ума, перед лицом

всего народа выигрывает процесс, прочтя судии-народу отрывок из своего «Эдипа»...^[3] А между тем греки не знали великого искусства книгопечатания, которым мы столько гордимся, забывая, что у нас большая часть и знающих-то грамоте читают только прејскуранты да объявления о продажах и подрядах...

Верить и не знать – это еще значит что-нибудь для человека; но знать и не верить – это ровно ничего не значит. Сознательная вера и религиозное знание – вот источник живой деятельности, без которого жизнь хуже смерти. А между тем сколько людей в наше время без памяти рады, что они – скептики и что они верят только в то, что чем больше в кармане денег, тем веселее быть скептиком!.. Только в такое несчастное время могут существовать люди, которых ремесло состоит в том, чтобы тешить праздную толпу, кувыркаясь перед нею на канате, в наряде паяца, в колпаке с бубенчиками, и которые готовы доказывать, для ее потехи, что Сократ был умный плут, который морочил афинян своим демоном^[4], внутренне смеясь над ними, как будто бы Сократ был забавник-журналист или шут... Эти «скептики», по себе самим судящие о великих людях, эти потешники толпы, – с свойственным им бесстыдством, готовы доказывать, что Сократ и чашу-то с цикутою выпил из желанія плутовать и тешиться... Для низких натур ничего нет приятнее, как мстить за свое ничтожество, бросая грязью своих воззрений и мнений в святое и великое жизни. А бессмысленная толпа, ди-

кая, невежественная чернь, за то-то и удивляется этим гаерам, принимая их наглость и дерзость за знание и ум...^[5]

Кстати о Сократе и о чаше с цикутою, которая прекратила дни мудреца и праведника: в разговоре «Критон» Платон представляет Сократа беседующим в темнице с учеником его, Критоном. Критон уговаривает Сократа бежать, Сократ доказывает ему, что не может этого сделать, не отрекшись от своего собственного учения и не запятнав бесчестием всей своей жизни. Критон говорит, что нехорошо, если толпа подумает, что Сократ больше пожалел денег для подкупления стражи, чем друзей своих.

СОКРАТ. Но что нам так заботиться о народной молве, добрый Критон! Люди честнейшие, которых мнением надобно особенно дорожить, будут думать, что делу надлежало сделаться так, как оно могло сделаться.

КРИТОН. Но вот ты видишь, Сократ, что необходимо заботиться и о народном мнении: настоящее именно событие показывает, что толпа может производить не маленькое, а действительно величайшее зло, когда кто-нибудь бывает оклеветан перед нею.

СОКРАТ. Да и надобно, Критон, чтоб она могла производить величайшее зло, дабы иметь силу и для произведения величайшего добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не в состоянии сделать ни того, ни другого, ни умного, ни глупого, а делает, что случится.

Какая глубокая социальная мысль заключена в этих словах Сократа! Именно, общественное мнение потому и имеет силу убивать часто доброе и безукоризненное имя, чтоб быть в состоянии воздать должное и великому подвигу: нужно ему быть просвещенным, чтоб иметь силу делать одно доброе и великое; но, будучи невежественно, оно управляется ветром случая и само по себе не может делать ни умного, ни глупого, ни добра, ни худа...

В «Критоне» выражено понятие Сократа о законах и об отношениях к ним гражданина. Как последний довод против Критона, Сократ олицетворяет законы и заставляет их так говорить ему, если б он бежал:

Сократ, что ты это задумал? Видно, предпринимаемым поступком умышляешь, сколько от тебя зависит, причинить погибель и нам – законам и целому обществу? Разве, по твоему мнению, то общество может еще существовать и не разрушиться, в котором судебские определения не имеют никакой силы, в котором они теряют свою важность и искажаются людьми частными!..

Сократ! не удивляйся нашим речам, но отвечай; ты ведь привык предлагать вопросы и давать ответы. Скажи-ка: за какую вину нашу и общественную хочешь погубить нас? Во-первых, не мы ли родили тебя? Не через нас, ли твой отец женился на твоей матери и дал тебе жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какие-нибудь недостатки те из нас – законов, которыми

скрепляются брачные узы? – Не порицаю, – сказал бы я. – А те, которые заведывают воспитанием и образованием рожденного и под управлением которых образован сам ты? Разве законы, заведывающие сими делами, не хорошо предписали, чтобы твой отец научил тебя музыке и гимнастике? – Хорошо, – отвечал бы я. – Конечно; но, получив бытие, воспитание и образование, можно ли тебе, во-первых, сказать, что ты и не потомок наш и не раб? Можешь ли сказать это и за себя и за своих предков? А если так, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы решаемся предписать тебе какое-нибудь дело, – ты имеешь право противодействовать нашим предписаниям? Да твое право не равнялось и праву твоего отца и праву господина, если б он был у тебя: ибо, страдая, тебе непозволительно было подвергать страданию, слушая брань, противоречить, принимая побои, бить, и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебе это делать в отношении к отечеству и законам, так что, когда мы, опираясь на свое право, намереваемся погубить тебя, ты решаешься, сколько от тебя зависит, погубить нас – законы и отечество, и говоришь, что твой поступок справедлив, – говоришь ты, ревнитель истины и добродетели? Такова-то твоя мудрость! Ты забыл, что отечество почтеннее и матери, и отца, и всех предков; что оно досточтимее, священнее, выше их и перед богами и перед людьми умными; что перед ним должно благоговеть и, когда оно гневается, покорствоваться и угождать ему более, чем отцу; что

повелевает ли оно делать, – надобно или уговорить его, или делать, предписывает ли страдать, – надобно страдать, притом молча. Пусть оно бьет, налагает оковы, ведет на войну для ран и смерти, надобно исполнять. – И вот справедливость: не уклоняться, не отступать, не оставлять своего места, но и на войне и в суде, и везде делать то, что повелевает общество и отечество; или уж показать ему, в чем состоит существо справедливости. Насилие же и в отношении к отцу и матери нечестиво, а в отношении к отечеству оно еще хуже. Что скажешь на это, Критон? Правду ли говорят законы или нет?

КРИТОН. Да, кажется.

СОКРАТ. Смотри же, Сократ, продолжали бы законы, истинны ли слова наши, что, намереваясь совершить против нас настоящий поступок, ты неправ. Родив, воспитав, образовав тебя и дав тебе, как и прочим гражданам, все зависевшее от нас прекрасное, мы, однако ж, публично предоставили на волю каждого афинянина выдержать испытание, узнать дела общества и нас – законы, и, если кому не нравимся, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. В этом случае ни который из нас – законов, не препятствует и не запрещает вам, если хотите, переселиться в колонию, как скоро ни мы, ни общество не по мыслям, а оттуда переехать в какое угодно иное место и взять свое имущество. Но кто из вас, видя, как мы рассматриваем судебные дела и управляем обществом во всех других отношениях, остался, тот у нас почитается уже таким человеком, который дал нам согласие на самом деле –

исполнять все, что бы ни было приказано, и если он непослушен, то мы признаем его втройне виноватым: и потому, что оскорбляет нас, как воспитателей, и потому, что, согласившись слушаться нас, и не слушается и не показывает нам, что мы в чем-нибудь поступаем худо. Между тем как с нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываем, только позволяется одно из двух – или доказать нам, или исполнить, – он не делает ни того, ни другого. Этим же обвинениям подвергнешься и ты, Сократ, как скоро совершишь то, что замышляешь, – подвергнешься и ты не только не менее прочих афинян, но еще более, чем они. А если бы я спросил их: почему это так? – то они, может быть, справедливо бы укорили меня и сказали: потому, что ты дал нам это согласие предпочтительно пред другими афинянами. Они сказали бы: Сократ! у нас есть важные доказательства, что и мы и общество тебе нравились; ибо ты, вероятно, не жил бы здесь отлично от всех афинян, если бы не имел столь же отличного расположения к месту своего жительства. Ты никогда не оставлял города даже и для общественных праздников, раз только ходил на Истм; никогда не отправлялся в другие места, разве сражаться; никогда не предпринимал и путешествий, как делают многие. У тебя не было охоты познакомиться с иными обществами и иными законами: мы и наше общество удовлетворяли тебя. Вот как ты предпочитал нас и соглашался управляться нами! Да и детей родил здесь, потому

что здешнее тебе нравилось. Притом во время самого судопроизводства, если бы тебе хотелось, в твоей власти было обречь себя на изгнание; и тогда ты сделал бы то же самое с согласия общества, что теперь предпринимаешь против его воли. Между тем тогда ты показывал вид, будто не оскорбляешься, если тебе надобно умереть, и говорил, что смерть предпочитаешь ссылке; а теперь и тех слов своих не стыдишься, и нас – законов не совестишься, но умышляешь нам гибель; теперь ты делаешь то, что сделал бы самый негодный раб, потому что решаешься бежать, вопреки условиям и согласию управляться нами. Итак, сперва отвечай, правду ли мы говорим, утверждая, что ты обещался следовать нам хоть не словом, так делом, или неправду? Что скажешь на это, Критон? Не приходится ли согласиться?

КРИТОН. Необходимо, Сократ.

СОКРАТ. Значит, ты нарушаешь заключенные с нами условия, сказали бы они, и забываешь о своем согласии, которое дал и не по действию обмана и не потому, что имел мало времени для размышления. В продолжение семидесяти лет тебе можно было бы удалиться, если бы мы не нравились или если бы твое согласие казалось несправедливым. Так нет, ты не предпочел ни Лакедемона, ни Крита, которые всякий раз признавал благоустроенными, и никакого иного эллинского или варварского общества: ты реже оставлял свое отечество, чем хромые, слепые и другие калеки. Очевидно, что тебе более, нежели прочим

афинянам, нравились – наше общество и мы, законы; ибо кому понравилось бы общество без законов? И вот теперь, однако ж, ты не стоишь в своих обещаниях? – Нет, Сократ, нас-то ты слушаешься и не уйдешь из общества, чтобы сделаться предметом смеха. Рассмотря-ка хорошенько: совершив свое преступление и уклонившись от своего долга, какое благо доставишь ты себе или друзьям своим? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бежать и лишиться отечества или потерять имущество – это почти верно. А сам ты? – положим, во-первых, придешь в которое-нибудь из ближайших обществ, в Фивы или Мегару, потому что оба они отличаются благоустройством; но туда явишься ты, Сократ, как враг их учреждений; и те, на которых возложено попечение о сих обществах, будут смотреть на тебя с недоверчивостию, как на разрушителя законов. Значит, твой поступок только подтвердит мнение судей, что их приговор над тобою, должно быть, справедлив; ибо кто нарушает законы, тот, без сомнения, может показаться развратителем юношей и глупцов. Положим опять, что ты постараясь бегать обществ благоустроенных и людей порядочных: но, делая это, стоит ли тебе жить на свете? Приближаясь к ним, разве тебе не стыдно будет собственных их слов? – и каких слов, Сократ! – тех, которые ты говорил здесь, что добродетель и справедливость, политические учреждения и законы – для людей весьма важны. Неужели не думаешь, что тогда Сократ явится человеком презренным? И ведомо.

Положим также, что, вырвавшись из этих мест, ты придешь в Фессалию, к Критоновым знакомым: там-то уже величайшее неустройство и своеволие; там, может быть, не без удовольствия будут слушать, как забавно бежал ты из темницы, завернувшись в какой-нибудь плащ или одевшись в шубу, либо во что другое, по обычаю беглецов, и таким образом изменивши свою наружность. Но и там ужели никто не скажет, что ты, в старых летах, доживая, по всей вероятности, небольшой остаток своего времени, дерзнул такую скользкою дорогою усиленно искать жизни и преступить великие законы? – Может быть, если никого не оскорбишь; а не то, – услышишь, Сократ, много и такого, что недостойно тебя. Ты будешь жить, приноровляясь ко всем людям и служа им. Да и что тебе делать в Фессалии, если не пировать, приехав туда будто на бал? А те речи о справедливости и других добродетелях – куда денутся у нас? Но представим, что твоя жизнь будет посвящена воспитанию и образованию детей? Так что ж? Они воспитаются и образуются, перешедши ли в Фессалию и сделавшись иностранцами, чтобы и этим быть обязанными тебе? или, не подвергаясь такому переселению и воспитываясь при твоей жизни, получат лучшее воспитание и образование в твоём отсутствии, то есть когда об них будут заботиться друзья твои? Но если твои друзья примут их на свое попечение, по отшествии твоём в Фессалию, то почему не попекутся о них по отшествии твоём в преисподнюю? И ведомо; – как скоро те, которые называют себя твоими друзьями,

искренно хотят услужить тебе. Так, Сократ, повинуюсь нам воспитателям твоим, не ставь выше справедливости ни детей, ни жизни, ничего другого, чтобы, сошедши в преисподнюю, мочь в свое оправдание сказать все это властям ее. Твой поступок, видишь, и здесь не обещает ничего хорошего, справедливого и святого, как тебе, так и твоим ближним, и по пришествии туда не встретит тебя ничем хорошим. Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженным – не от нас – законов, а от людей; напротив, если уйдешь и так постыдно воздашь обидою за обиду, злом за зло, нарушив свои обещания и договор с нами и сделав зло тем, которые менее всего виноваты, то есть себе, друзьям, отечеству и нам, то во время твоей жизни будем гневаться на тебя мы, а после неблагоприятно примут тебя наши братья – законы преисподней, зная, что ты, сколько от тебя зависело, умышлял на нашу гибель. Не верь же Критону более, чем нам, и не делай того, что он говорит.

Вот слова, любезнейший друг Критон, которые я, кажется, слышу, как исступленные жрецы слышат флейту! Звуки этих слов так поражают меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорил, если бы стал утверждать что-нибудь против настоящего моего мнения. Впрочем, если можешь сказать более, говори.

КРИТОН. Нет, Сократ, не могу.

СОКРАТ. Так перестань, Критон; сделаем то, к чему ведет бог (стр. 306–316).

Вот как мыслил и чувствовал Сократ – этот тонкий плут,

этот ловкий «надувало», тешившийся над легковерием афинян!.. И как его мышление было его верою, – он мученической смертью утвердил справедливость своего религиозного сознания. Изучать доктрину Сократа, изложенную в беседах, прениях, как сам он излагал ее, – значит не только просвещать свой разум светом истины, но и укреплять свой дух в вере в истину, приобретать божественную способность делаться жрецом истины, готовым все приносить в жертву ей и прежде всего – самого себя.

Вот почему, нисколько не увлекаясь и не преувеличивая дела, но видя его совершенно таким, каково оно есть действительно, – мы смело можем сказать, что г. Карпов, если он кончит издание своего перевода, совершит подвиг столько же гражданский, сколько и ученый. Это великая заслуга перед обществом, это бесценный подарок его настоящему и будущему. Изучение классической древности в новейшей Европе положено краеугольным камнем публичного воспитания юношества, – и в этом видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричат: «Зачем нам нет спасения без греков и римлян? зачем непременно изучать греческий и латинский, а не санскритский или не арабский язык, если уж без древних языков нельзя обойтись?» – Затем, милостивые государи, что связь новейшей Европы с Индией и Аравией гораздо отдаленнее, нежели с Грецией и Римом. То родство в двадцатом колене, а это родство – близкое, кровное. Изучение классической древности преобразовало Европу, сверг-

ло тысячелетние оковы с ума человеческого, способствовало освобождению от инквизиции и тому подобных человеколюбивых и кротких мер к спасению душ. Законодательство римское заменило в новейшей Европе феодальную тиранию правом, на разуме основанным. Древняя Греция и Рим – страны духа, впервые освободившегося от деспотического владычества природы, представитель которого Азия. Там, на этой классической почве, развились семена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества; там начало всякой разумной общественности, там все ее первообразы и идеалы. Правда, там общество, освободив человека от природы, слишком и покорило его себе. Зато средние века уж слишком освободили его от общества и впали в другую крайность. Теперь настает время примирения этих двух крайностей во имя *средних веков* и *древнего мира*; следовательно, Греция и Рим и теперь еще живут и действуют в нас к нашему благу и нашему преуспеянию в осуществлении на деле *идеальной* истины, которая одна только истина, ибо всякая эмпирическая истина – ложь^[6].

Перевод г. Карпова именно такой, какого только нужно желать в наше время: верный и точный до буквальности, носящий на себе отпечаток того языка, с которого он сделан; но от того русский язык в нем нисколько не изнасилован и не лишен своей естественности. Перевод изящный более обогатил бы нашу литературу, чем познакомил бы нас с Платоном. Такой перевод может быть важен для нас только по-

сле перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его *texte en regard*¹ с переводом г. Карпова, имея последний под рукою, так сказать, для проверки первого. Честь и слава человеку, скромно, в тиши кабинета, наедине, совершающему свой труд, который был бы истинным подвигом для целого учебного общества! Неужели этот труд не поддержится публикою? – Страшно и подумать об этом...

¹ в сопоставлении (*фр.*). – *Ред.*

Комментарии

1.

Рецензию Белинского на первую часть «Сочинений Платона» см.: Белинский, АН СССР, т. V, с. 613.

2.

Белинский использует образ поэта, созданный Гете в балладе «Певец». См примеч. 7 к статье «Речь о критике».

3.

Точнее: «Эдипа в Колоне».

4.

Демон Сократа («даймонион») – сложное и не до конца ясное понятие. По словам Сократа, иногда ему слышался внутренний голос, внушавший ему некоторые действия или предостерегавший от них. Сократ считал этот голос голосом своего «демона». Свод интерпретаций понятия «даймонион» см. в кн.: Ф. Х. Кессиди. Сократ. М., «Мысль», 1976, с. 109–114.

5.

Имеется в виду О. И. Сенковский и его статья «Сочинения Платона» («Библиотека для чтения», 1842, т. LIII).

6.

Белинский продолжает полемику со статьей Сенковского о «Сочинениях Платона». Основным положением статьи Сенковского было отрицание значения античной философии для нового времени из-за ее якобы умозрительного, далекого от жизни характера. Шире – отрицалась и вообще философия как наука. «Философия, – писал Сенковский, – для нас предание, а не факт». Она «нейдет к формам новейшего знания» («Библиотека для чтения», 1842, т. LIII, отд. V, с. 36). Белинский восстает против узко утилитарного понимания значения философии для общества.